

Удивительным врачам
Вологодского
ветеринарного центра
и В.В. Цыбулину
с восхищением
их человечностью
и верностью профессии

Все события вымышленны.
Любые совпадения случайны.

ПРОЛОГ

*Если вы подберете на улице
дворовую собаку и накормите
ее, она никогда вас не укусит.
В этом и состоит разница
между собакой и человеком.*

Марк Твен

Пес устал от неприкаянности и замерз. Первые ноябрьские морозы были жестоки к нему, совсем недавно ставшему бездомным. Бесцельно бродя по улицам, он раскапывал в жидком снегу, скупо укрывшем газоны, скукожившиеся, коричневые от мороза яблоки, оставшиеся с богатой на яблочный урожай осени. Яблоки уже три дня были его единственной едой.

Пес с надеждой вглядывался в лица встречаемых людей, казалось, тоже скукожившихся от холода. Но люди спешили мимо, с опаской обходя здоровенную собаку с уже ввалившимся от голода животом, но все еще довольно ухоженную, явно хозяйскую. Им не было до нее никакого дела.

Иногда пес заскакивал в автобус или троллейбус, чтобы погреться. Один раз даже заснул, разморенный теплом и мерным покачиванием грязного пола, на котором свернулся клубком. Ему снился огонь в большом камине, в прошлом году в такие холода его всегда разжигал хозяин. Огонь незлобиво трещал, рассыпая искры, которые то и дело норовили выскочить на железный лист, приколоченный к деревянному полу. Пес, который тогда был еще смешным пузатым щенком,

припадал на передние лапы, играя с раскаленными угольками, делая вид, что нападает на них, но в последний момент всегда отступал. Страх перед огнем был у него генетическим.

Хозяин весело смеялся, наблюдая за его прыжками. И иногда даже давал лакомство – свиные уши, купленные во время последнего визита в ветеринарную клинику. Пес утаскивал такое ухо к себе на подстилку – шуршащую, из водонепроницаемой ткани, зеленой в красную клеточку. Примерно час после этого он был очень занят.

Еще у него была любимая игрушка – завязанная узлами крепкая веревка, сплетенная из разноцветных нитей. Пес приносил ее хозяину и предлагал поиграть. И хозяин никогда не отказывал ему. Никогда, кроме одного-единственного раза.

Вспомнив этот единственный раз, пес протяжно завыл во сне и тут же был разбужен пинками дородной кондукторши.

– Пошел вон отсюда, скотина! – завизжала она, брызгая слюной и распространяя нестерпимый аромат лука. – Разлежся тут и воей, как по покойнику. Расплодили собак, чтобы все подошли, заразы!

Так из теплого нутра троллейбуса пес опять был выдворен на мороз и потрусил куда глаза глядят. Людей, пинающих в беззащитный бок ботинками на грубой подошве, он теперь обходил стороной и незаметно для себя оказался на пустыре, заросшем сухой, а теперь и замерзшей травой, которая скрывала его с головой.

Тут уже не пахло яблоками, но, припадая носом к твердой морщинистой земле, он все-таки искал что-нибудь съедобное. Чуткий нос унюхал слабый аромат, исходящий из канавы. Пес помнил, что хозяин называл «это» докторской колбасой. Продравшись сквозь колкий и царапающийся сухостой, на кото-

ром ключьями оставалась шерсть, пес пробрался к источнику этого волшебного аромата – спортивному рюкзаку, бесстыдно обнажившему нутро, в котором среди каких-то тетрадей и книг блеснул целлофановый пакет с бутербродами.

Ухватив пакет зубами, пес мотнул головой, чтобы вытащить его, и в этот момент увидел руку, вцепившуюся в лямку рюкзака. Рука выглядела так же, как рука хозяина, когда пес видел его в последний раз. Она свесилась с носилок, когда тело хозяина увозила специальная машина. Рука была абсолютно, бесповоротно мертвой. Это пес тогда понял сразу, хотя и бежал за машиной несколько кварталов, пока не потерял ее из виду. Ее, а вместе с ней и всю свою прежнюю сытую, безбедную собачью жизнь.

Эта рука тоже была неживой. Не очень чистая, в пятнах от пасты, вытекшей из шариковой ручки, с кожаным браслетиком-веревочкой на запястье. Прихватив пакет с каменными от мороза бутербродами покрепче, пес задом выбрался из канавы и, не оборачиваясь, побежал подальше.

ГЛАВА 1

Плюсы и минусы раннего пробуждения

*Чем больше узнаю людей,
тем больше мне нравятся собаки.*

Генрих Гейне

— Здравствуйте, Любовь Пална. Холодина-то какая, градусов пятнадцать, не меньше! — Уборщица баба Валя с удовольствием отвлеклась от мытья пола, приветствуя начальницу. — Что-то вы раненько сегодня, или клиентов ждете?

— Да, я клиентов жду, всегда клиентов жду, — пропела Лелька на мотив модной песенки из ее детства, в которой без конца повторялось «я танцевать хочу, я танцевать хочу». Лельке танцевать не хотелось, но настроение с утра было хорошее, несмотря на морозную и какую-то мрачную погоду и на то, что сегодня ей действительно пришлось приехать в салон часа на два раньше обычного.

Одним из самых страшных наказаний она считала именно ранний подъем. Лелька была классической совой, которой ничего не стоило затеяться с опарой на пироги полпервого ночи, но испытывающей страшные мучения, если будильник звонил раньше полдевятого утра.

Насмешка судьбы состояла в том, что много лет ей приходилось вытаскивать себя из постели в пять. Ее мама работала дворничихой, и лет с девяти Лелька помогала ей мести двор, собирать опавшую листву, обкалывать лед с тротуара и соби-

рать снег с проезжей части в ровные кучки. Мама вздыхала, видя, как дочка с зажмуренными глазами слезает с кровати и натягивает шерстяные рейтузы зимой или спортивные штаны с вытянутыми коленками летом. Она ни за что не будила бы Лельку, позволяя ей поспать подольше, но дочь с ранних лет проявляла завидное упорство во всем, что считала нужным или правильным. Помогать маме по утрам было нужно и правильно. Мама была слабенькая и часто болела. Лелька ее жалела.

Она уже заканчивала училище, когда мамы не стало. И вставать в пять утра стало незачем, впрочем, в том, чтобы просыпаться в начале седьмого и на троллейбусе к восьми утра добираться на другой конец города в маленькую обшарпанную парикмахерскую, куда она устроилась на работу, тоже не было ничего приятного.

Правда, первые смены были все-таки день через день, а когда выпадала вторая, Лелька дрыхла до двенадцати. Но потом она довольно быстро выскочила замуж и как примерная жена по утрам кормила мужа перед работой завтраком. Это было нужно и правильно. Потом родился Максимка, и утренние сборы в ясли – детский сад – школу надолго отодвинули сибаритские замашки, неизвестно откуда взявшиеся у дворничихиной дочки.

Но теперь утренняя маета с ранним вставанием, впрочем, как и замужество, была в прошлом. Любовь Павловна Молодцова – успешная, уверенная в себе владелица престижного салона красоты, один из лучших в городе мастеров, попасть к которому считалось превеликим счастьем и удачей, – могла себе позволить не появляться на работе раньше десяти утра.

Семнадцатилетний Максим собирался в лицей самостоятельно и в маминых хлопотах не нуждался. Поэтому только

в те дни, когда какому-то особенно важному клиенту, точнее клиентке, нужна была укладка «от Молодцовой» с самого утра, она отступала от много лет назад отвоенного у судьбы права высыпаться. Впрочем, каждое такое отступление того стоило. Ее фирменная укладка обходилась клиенткам в триста долларов до десяти утра и в двести в оставшееся рабочее время суток.

Сегодня на восемь утра к ней была записана начальница областного департамента финансов – роскошная холеная дама, чередующая бриллианты с изумрудами и рубинами. В правительстве области ждали шведскую делегацию, поэтому утренняя укладка была жизненной необходимостью, ради которой Лелька и приехала в салон, по своим меркам, ни свет ни заря.

Впрочем, здесь уже вовсю кипела жизнь. Та самая жизнь, которую она любовно создавала последние годы. Салон работал с шести утра, и многие постоянные клиентки приходили сюда по два-три раза в неделю именно к этому времени, чтобы встретить рабочий день во всеоружии. Прайс-лист у обычных парикмахеров был, конечно, скромнее, чем у хозяйки, но тоже весьма и весьма солидным. Впрочем, здесь действительно работали лучшие мастера города. Лелька не ленилась отыскивать их по разным салонам и парикмахерским и не стеснялась перекупать бесстыже высокими зарплатами, оплачиваемыми курсами повышения квалификации, в том числе и в Париже, гарантиями под ипотечными кредитами и прочими благами цивилизации.

Работать в салоне «Молодильные яблоки» было так же престижно, как и являться его клиентом. Поднятую, вернее задранную, планку Лелька ронять не собиралась, придумывая все новые виды услуг для капризных модниц, а потому

процветала. В свое нищее полуголодное детство, которое прошло в деревянном бараке, Лелька оглядывалась с холодной ненавистью. И была готова работать до седьмого пота, чтобы отстоять все то, что имела сейчас. Четырехкомнатную квартиру в двух уровнях, кроваво-красный «Ниссан»-жук и невесомую курточку из стриженной норки для себя, айфоны и айпеды последней модели для Максимки и другие обязательные атрибуты богатой, уверенной в себе стервы, добившейся всего собственным трудом и талантом, а главное – не зависящей от мужчин.

Мужчин Лелька презирала.

– Как спина, баба Валя? Может, все-таки пойдете на больничный? – спросила она уборщицу, разматывая длинный ярко-красный, под стать машине, шарф.

– Не, Пална, не пойду. – Бабка даже руками замахала, отменяя столь дикое предположение. – Мне шваброй пол помыть не в тягость, а воду Петя меняет. – Из служебного туалета в конце коридора действительно показался рыхлый лохматый подросток в продырявленных по последней моде джинсах и толстовке с надписью «Я люблю Нью-Йорк». Толстовку Лелька привезла в прошлом году из этого самого Нью-Йорка специально для Пети.

Во внучке баба Валя души не чаяла, а Лелька была привязана к полной одышливой уборщице, которую отказывалась увольнять, несмотря на некоторое несоответствие ее внешнего облика статусу заведения.

– Любовь Павловна, нам давно нужно клининговую фирму нанять, – твердила главбух Зоя. – Девочки шустрые в два раза быстрее все вымоют, чем бабка наша. Это ж позор салону, честное слово! Каменный век.

– Баба Валя будет здесь работать столько, сколько пожелает, – упорно отвечала Лелька. Так было нужно и правильно. Ведь старуха была первой работницей, устроившейся в ее только что открытый салон десять лет назад. И Лелька искренне считала ее чем-то вроде талисмана.

– Привет, Петя. Бабушке помогаешь или школу прогуливаешь? – дружелюбно поинтересовалась она у подростка, который со стуком поставил ведро с водой, заставив небольшой фонтанчик выплеснуться на до блеска отдраенный пол.

– Не, не прогуливаю, сейчас поеду, – ответил Петя, приняв независимый вид. – Ба, я пошел, да?

– Иди-иди, Петенька, – засуетилась старушка. – Я уже заканчиваю тут. Вы не волнуйтесь, Любовь Пална.

– Я и не волнуюсь. – Лелька пожала плечами и скрылась за дверь своего кабинета с витой единичкой внутри красного яблока. – Когда закончите, идите к Аркадию в кабинет на массаж! – прокричала она уже оттуда. – Слышите, баба Валя?! Я распоряжусь сейчас.

– Спасибо, – благодарно произнесла в ответ уборщица. – Дай бог здоровья вам, Любовь Пална! Хороший вы человек. С пониманием к рабочему классу.

– А я, по-вашему, кто? – Лелька снова появилась на пороге, насмешливо глядя на засуетившуюся бабку. – Проклятый капиталист?

– Да что вы, вечно я ляпну! – Баба Валя в отчаянии всплеснула руками. – Я ж знаю, как вы работаете. Я ж не в попрек. Я ж любя. Я ж к вам как к дочери.

– Ладно, проехали. – Лелька засмеялась и пошла натягивать блестящий халат, в котором всегда работала с клиентами. Финансовая чиновница отличалась пунктуальностью и должна была появиться с минуты на минуту, поэтому, за-

перев дверь директорского кабинета, Лелька устремилась в парикмахерский зал.

Ее кресло всегда было свободно. Помимо него в женском зале имелись еще четыре рабочих места. Плюс мужской зал на два кресла. Кабинет для маникюра на два стола, педикюрный кабинет с одним креслом. Массажный кабинет. Комната для гидромассажа. Так на данный момент выглядело безраздельное царство Любови Молодцовой.

Летом она купила соседнее помещение, чтобы открыть там косметический салон и зал лечебной гимнастики. Успешный бизнес требовал расширения, клиентки становились все взыскательнее, а рынок услуг по поддержанию красоты и молодости все изощреннее, поэтому, немного подумав, Лелька взяла довольно крупный кредит и сейчас доделывала на новой площади ремонт. По ее плану, а свои планы Лелька воплощала в жизнь всегда и при любых обстоятельствах, новые направления «Молодильных яблок» должны были заработать сразу после Нового года.

– Доброе утро, – приветливо поздоровалась она с двумя работающими с утра мастерицами и их клиентками. Те радостно заулыбались в ответ.

– Здравствуйте, Любовь Павловна. – Одна из работающих девочек была новенькой. Лелька высмотрела ее в училище, на конкурсе профмастерства, куда всегда ходила в поисках таких вот неограниченных алмазов, а потом несколько месяцев ставила ей руку и обучала разным хитростям. Девочка была талантливой и многообещающей. – Любовь Павловна, а вам не нужна собака?

– Что? Какая собака? – удивилась Лелька.

– Хорошая собака. Лабрадор. – Девочка, которую звали Лена, прижала к груди руку с блестящими ножницами. Нож-